

Алекс Веагур

В последнюю
минуту

Алекс Веагур

В последнюю минуту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70673479

SelfPub; 2024

Аннотация

Как много хочется в последнюю минуту: вспомнить, увидеть, а также не ошибиться – особенно, когда от этого зависят человеческие жизни... Но часы неумолимо отсчитывают свои мгновения. И шансов сделать всё правильно остаётся всё меньше.

Содержание

1	5
2	11
3	22

Алекс Веагур
В последнюю минуту

1

Комната сделала продолжительный вдох.

Старые занавески взметнулись вверх, надулись пузырьём и плавно, словно при замедленной съёмке, опустились. Понимались отголоски детского смеха. Их принёс в комнату порыв осеннего ветра – он скинул со стола несколько окурков, прошелестел газетой, придавленной яблоками, и, потыкавшись по мрачным закоулкам, поспешно вырвался на волю, – будто его что-то напугало. Одна из занавесок погладила колченогую табуретку, но зацепилась дырой за неровную поверхность и осталась так висеть до следующего вдоха.

На полу сидел сгорбленный старик. Его изрытое морщинами лицо покрывали бурые точки, похожие на пигментные пятна. Но вот старик вытер пот, и часть таких пятен – от уха до заострённого подбородка – превратилась в кровавую дорожку. Серые пряди, обрамлявшие худое лицо, прилипали ко лбу и вискам и напоминали «сосульки», две из которых были ржавого цвета. В давно выцветших глазах, словно в двух дряблых колодцах, плавала водянистая карамель. Взгляд казался пустым и равнодушным, но лицо сковывала та печать, которую не спутать ни с чем, – печать скорби и большой утраты.

Рядом со стариком – посреди рассыпанных ранеток и пе-

ревёрнутой банки с окурками – на полу лежал мёртвый человек. Это был мужчина. Лужа крови начиналась от его неподвижной головы и растекалась по впалой половине в сторону окна, время от времени махавшего полинявшими занавесками. В воздухе стоял сладковатый привкус смерти. Большая и зелёная муха деловито изучала у мертвеца оттопыренное ухо. Старик смотрел будто бы на неё, но вот муха перелетела к руке, а взгляд старика остался на месте.

У покойника глаза были открыты. Они напоминали две утонувшие в молоке круглые сливы, которые затем поднялись кверху, но упёрлись в застывшую поволоку. Казалось, что этими сливами умерший выискивал в высоте какие-то ответы. Возможно, что именно сейчас – у Бога или у самого простого ангела – душа убитого такие ответы уже получала. Но этого никто из живых не знал: не знал человек с потухшими глазами, и не знал другой – тот, кто втайне следил за ним.

В старике дёрнулась невидимая нить.

Он вскинул голову вверх, потянулся руками к потолку, его глаза заблестели, – но, вместо того, чтобы отдаться зову нахлынувшей молитвы, седой человек затряс губами, застонал и, обхватив длинными ладонями лицо, согнулся сломанным колосом к полу. Сотрясаясь от лихорадочной дрожи, он завалился на бок. Его рука медленно протянулась к неподвижному телу, и его глаза, наконец, взорвались потоком слёз.

– Прости меня, сынок! – прошептал он. – Прости, если

сможешь!..

Старик ревел и просил прощения, хотя сам же в него и не верил. Он понимал бессмысленность любых слов, но всё равно умолял и умолял.

Мёртвый по-прежнему хранил молчание.

В это время раздался глухой удар в дверь. Следом ещё один. И ещё. Закричала женщина:

– Открывай! Открывай дверь, сволочь!

Старик вздрогнул, как от удара плетью.

– Безумный вонючий старикашка! Я тебе говорила: держись от нас подальше!

Лицо старика сделалось хищным. Медленно выпрямившись, он захрустел шейными позвонками, а затем глухо зарычал – зарычал, как бродячая собака, готовая драться за свою последнюю кость – драться до последнего дыхания. Безумный старикашка? С этим он даже не спорил – особенно с той, кто сейчас так распялся. Старик её узнал – узнал с первого слова: по ту сторону двери стояла жена его убитого сына.

– Мерзкая гадина! Где мой муж?! Я знаю, что вы встречались! – Ненавистный голос резал, как стекло, и старик зажал уши ладонями. – Или ты откроешь по-хорошему, или сейчас эту поганую дверь вынесут! И тогда тебе несдобровать, проклятый старик!

Но тот, кого обзывали и кому угрожали, её уже не слышал. Он чувствовал, что времени побыть с сыном – побыть в по-

следний раз – почти не оставалось. И потому старик хотел выжать из этой последней минуты всё до последней капли – сколько бы мало ему не оставалось.

(За ним продолжали наблюдать.)

Старик тихо плакал. Слезы струились по его впалым щекам, смешивались с бурыми пятнами и падали на бездыханное тело – безмолвные символы скорби.

Дрожащей рукой он провёл по волосам сына – всё ещё мягким, как в детстве. Ему вдруг вспомнилось, как сынок, будучи совсем ребёнком, забирался на чердак угольного сарая, где зарывался в колкое сено и засыпал – безмятежным, крепким сном. А сам он ложился с ним рядом и просто смотрел на свою маленькую копию. Потом они отряхивали одежду друг друга и весело смеялись. Их волосы источали дурман пряных трав и свежесть уходящего летнего вечера, а их глаза лучились неподдельным счастьем. (Господи, как же давно это было! Так давно, будто бы никогда и не случилось...)

Воспоминания погружали старика в негу сна.

Но вот в дверь снова затарабанили, и он кубарем скатился из своих грёз обратно в комнату.

Бах-бах-бах!

Опять она.

Она!

Не будь его невестка такой стервой, всё могло бы выйти иначе. Он не расставался бы с сыном и не прятался бы, как чужой, от своих внуков. И, наконец, не произошло бы этой

дикой ссоры, после которой он ушёл. Он бродил в беспамятстве по пустынным улицам, и его тело содрогалось, – но не от осеннего холода, а от разъедающей обиды. Сколько гадостей они наговорили друг другу – распалённые злостью и разделённые стеной непонимания! И что теперь? Он даже не успел попросить прощения...

О, если бы он вернулся сюда чуть раньше! Тогда бы... Тогда...

Старик покосился в угол комнаты, его кулаки сжались, а губы превратились в две тонкие бесцветные полоски. В самом дальнем углу лежало ещё одно мёртвое тело – в груди этого тела торчал обagrённый запёкшейся кровью нож.

И тут раздался оглушительный треск.

Старик вздрогнул.

Дверь затряслась под натиском чего-то тяжёлого.

Невестка-стерва уже не кричала, а выла – выла так, словно знала заранее о случившейся здесь трагедии. На короткое мгновение её стало старику даже жалко. Затем он на миг позлорадствовал над ней. Его лицо искривила беззубая усмешка, тут же сменившаяся на маску безразличия. Но вот старик снова вздрогнул, ссутулился и сделался каким-то маленьким. Его глаза вновь заблестели, по щекам побежали слёзы; он всхлипнул и, притянув холодную руку сына к своей груди, стал раскачиваться – огромный метроном на арене смерти.

В это время какой-то мужской голос закричал, ахнул; дверь содрогнулась и выплонула внутрь первую щепку. Би-

ли топором. Били наверняка и спешно. Старик ясно увидел металлическое лезвие, увязшее на миг в уставшей древесине. Ждать оставалось недолго. «А-ах!» – послышалось снова с той стороны. Дверь кашлянула – и огромный деревянный зуб отлетел к ногам рыдающего маятника.

И в тот момент, когда в оскале двери появилась мужская рука; когда эта рука потянулась к замку; когда старик-метроном при очередном наклоне издал странный звук, похожий на уханье ночного филина, – изображение подёрнулось мелкой рябью, и всё вдруг замерло...

Время остановилось.

2

Что же. Теперь нужно спешить.

Зная по опыту, Сергей понимал, что на всё про всё у него не более пары минут. Останавливать видение на большее у него никогда не получалось. Да и то: полной остановкой это не назовёшь, просто три-четыре секунды будущей реальности растягивались в две минуты видения. Отсюда и этот звук – нечёткий, искажённый и угнетающий; похоже, что Сергей к нему так и не привыкнет. Была ещё одна особенность, выработанная за годы: заморозка видения происходила в самом его конце. Таким образом, у телепата – после основного эфира – появлялось время, чтобы он мог лучше прозондировать место будущего преступления.

Итак, нужно торопиться.

С каждым сеансом видение становится более качественным. Сегодня – четвёртый раз, а значит, можно хлопать в ладоши и танцевать гопак, потому что такое видение – не только самое чёткое, но и самое продолжительное. Именно оно приносит больше всего подробностей, а потому раскрываемость таких преступлений почти стопроцентная. Да – Сергей мысленно нахмурился – вот именно, что «почти»: если не помешать, убийство произойдёт сегодня около семи вечера. Ведь всё дело в восстановлении: между сеансами ждать

приходится почти сутки. А это означает, что до пятого сеанса он снова не дотянет – никогда не дотягивал. Поэтому четвёртое видение, многоуважаемый экстрасенс, будь добр, выжми до последней капли!

Именно такими словами: «выжми до последней капли» – Сергей и настраивался на работу. В том, что убийство должно произойти всего через несколько часов, он даже не сомневался – его темпоральные ощущения всегда были ужасны, но они ещё никогда не подводили: за тринадцать часов до убийства его голова взрывалась жуткой мигренью, от которой то и дело хотелось разодрать голову руками. Сегодня утром за десять минут до будильника так всё и случилось.

(То, что он лежал в постели тогда – это хорошо. Плохо – это как в прошлый раз, в троллейбусе: он стоял и держался за поручень, но от неожиданной боли его ноги подкосились, и он без сил рухнул на сидевшую с кошёлкой женщину. Боже, как ему потом было стыдно!)

Сергей мысленно потрянул головой, пытаясь больше не отвлекаться. Укоренившиеся правила опирались на трёх китов – быстрота, сосредоточенность и отсекаание всего лишнего. Но нужно признать, что последняя настройка иногда барахлила.

Телепат переместился по видению и остановился возле сидящего на полу человека.

Старик. «Безумный вонючий старикашка». Его можно оставить в покое. Фоторобот с его лицом уже после первого

раза на руках у лучших сыскных ищеек. Сергей бегло осмотрел старика ещё раз, но ничего нового не увидел. Те эмоции, которые излучал этот застывший метроном, также не внесли ясность. Боль, отчаяние, жалость, самобичевание и страстное желание умереть – всё было и раньше. А теперь нужно двигаться дальше. Нужно спешить и выхватывать каждую деталь.

Сергей присмотрелся к первому трупу.

Сын. Воспоминания старика, которые получалось прочитать за все четыре раза, не вызывали сомнений. Это был стариковский сын. И сегодня впервые он из аморфного пятна превратился в человека – мёртвого и безмолвно требующего возмездия. Сергей смотрел на лицо убитого и запоминал каждую деталь, чтобы после выхода из видения с точностью передать детали штатному художнику-криминалисту. Важно было всё: шрамы, наколки, обыкновенные родинки. Бывали случаи, когда и бородавки помогали в поиске. Но больше всего помогали в поиске именно татуировки. (Сергей ментально ощупал свою армейскую наколку на предплечье.) А потому важна любая мелочь.

Вот: на подбородке старый выпуклый шрам и маленькое родимое пятнышко на запястье. Уже что-то. Но нужно спешить.

Уделив телу покойника и его одежде несколько секунд, Сергей замер. Ему показалось, что грудь покойника медленно приподнялась.

Что это? Он жив? Старик ошибся, и его сын ещё жив?! Или просто показалось?.. Трудно сказать что-то наверняка, когда воспроизведение замедленно в тридцать раз. Телепат будто поморщился – растянутое уханье старика (тоже в тридцать раз) неприятно резало слух и вызывало в памяти старые детские кошмары. Но если сын старика жив, тогда почему Сергей этого не заметил ещё до остановки видения?! И сам старик: неужели он ошибся?

Вопросы – много вопросов. Время идёт, и нужно торопиться. А поэтому никаких «почему», все вопросы – после. Ответы обязательно найдутся.

Проследив ещё раз за грудью лежащего на полу человека, Сергей готов был поклясться, что всё-таки она медленно... очень-очень медленно... поднималась. Он посмотрел на глаза-сливы, и ему показалось, что они проясняются. – Внушение? Или погрешности видения? – Как бы там ни было, это может помочь в дальнейшем. А сейчас нужно двигаться дальше. Времени для спасения людей почти не оставалось.

Посмотрев на второй труп, Сергей виртуально покачал головой. Тут он бессилён. Он смотрел, словно через матовое замыленное стекло, и видел лишь сгусток чёрного тумана. Для того чтобы его развеять, нужно ещё одно видение. Это, как минимум. И это означает, что чёрный туман останется таким до самого преступления – или до того момента, когда его удастся предотвратить.

Рябь снова прошла по видению, словно по глади пруда пробежала огромная водомерка, – предзнаменование того, что скоро опустится чёрный занавес. Но нужно, нужно, нужно отыскать ещё хоть что-нибудь, любую зацепку, – ведь пригодиться может самое незначительное!

Сергея что-то отвлекло.

Он ощутил, как у его оболочки, сидящей в отделении среди друзей, стали покалывать кончики пальцев, и нестерпимо зачесалось рука чуть ниже локтя. Но всё это – мусор, грязь и сбившиеся настройки, – на такие мелочи он не должен обращать никакого внимания! Только видение – и ничего больше! Он должен найти ответ там во что бы то ни стало!

И в это время послышался звук. Новый звук! – Ещё один подарок четвёртого видения.

Звук доносился издалека, но откуда-то сзади – как раз оттуда, что находилось за пределами видения. Сергей мог бы поручиться, что это заговорил человек. Заморозка видения – штука скверная, и в растянутом человеческом голосе всегда сидело что-то жуткое и почти демоническое. Ощущения сейчас – именно такие. На миг Сергей порывался даже разморозить видение, чтобы разобрать слова, но ведь у него оставалось ещё целая минута – минута для подробностей! И он сделал выбор в пользу этой минуты.

Сергей сглотнул комок в горле – там, где-то далеко, по ту сторону видения. Видение снова подёрнулось рябью и успокоилось.

Уподобившись фотоаппарату, он стал выхватывать обстановку комнаты: криво стоящий стол с изрезанной грязной клеёнкой, на столе – газета, придавленная ранетками, исписанный листок бумаги с ручкой, несколько кусочков чёрного хлеба, шмат сала, два стакана и полупустая бутылка водки, рядом со столом стоит убогая табуретка с порванной дерматиновой обивкой – из дыры выглядывает поролон, сам дерматин покрутило, и за него зацепился край полинявшей бежево-красной занавески; под столом и возле трупа валяется много чего разного: пачка сигарет в мягкой упаковке (название не разобрать), несколько окурков, бутылка (судя по смутным очертаниям этикетки, это может быть портвейн), пустая банка из-под кильки, полупустая банка-пепельница, с десяток яблок и белый пакет – некоторые яблоки и пакет вымазаны в крови; возле второго трупа видны ножки ещё одной табуретки – они или тоже в крови, или просто грязные; и, наконец, тёмно-синяя дверь с облупившейся краской – из дыры в двери торчит мужская рука, густо поросшая рыжими волосами.

Всё остальное скрывал чёрный туман.

«Проклятая завесь!» – вырвалась мысль у Сергея.

Опять эти эмоции. К чёрту их! – Экстрасенс скрутил ментальную дулю.

Он попытался рассмотреть газету, но наткнулся на расплывчатую кляксу. Записка выглядела не лучше. Он ещё раз присмотрелся к пачке сигарет, но определил лишь крас-

но-зелёные цвета. Ещё бы одно видение – ещё хотя бы одно! И все эти детали он бы непременно разглядел.

«Господи, это не дар, а какое-то наказание!»

Новый звук снова дал о себе знать.

Итак, в комнате находился ещё один человек. – В комнате? Но откуда такая уверенность? А что, если звук доносился от окна – обыкновенный уличный шум при открытой форточке? – И снова вопросы – вопросы, на которые нет ответов – ответов, от которых зависит жизнь людей – как минимум, двух. А время неумолимо приближает к неминуемому. И поэтому очень важно поторопиться, ведь остались считанные секунды – секунды его последней минуты.

Сергей пытался развернуть проекцию видения, но единственному телепату-криминалисту (о других он никогда не слышал), отчаянно не хватало ещё одного раза – пятого. «Боже, какой противный звук!» – подумал Сергей, как тут же его дар выхватил из нового звука некую связь, скомкал её, превратил в жалкое подобие виртуальной записки. Он попытался её развернуть, но приходилось спешить, и клочки записки растаяли в тумане, оставив напоследок три буквы: «БАС». Сергей по инерции прокрутил в голове возможный осколок: «...бас» или «бас...» (конец слова или его начало?), а затем мастерски поместил оставшийся клочок записки в потайной виртуальный карман. Не исключено, что после сеанса удастся узнать оттуда что-то ещё, а сейчас нужно спешить.

Дверь.

Сергей перенёс свой телепатический взгляд к озлобившемуся деревянному оскалу, откуда высовывалась рука и медленно открывала замок. Дыру в двери заволакивал знакомый клочок чёрной газообразной шерсти. Но ни этот туман, ни скрытые за перегородкой люди не помешали Сергею ощутить что-то очень странное.

Это походило на несвойственное нынешнему моменту спокойствие. И Сергей очень быстро определил его источник: женщина – та самая, что ещё недавно завывала. Кто она? – Невестка этого старика. Жена убитого (или наполовину убитого) сына старика. – Сергей распознавал её эмоции сейчас очень хорошо, и в них не было ни грамма отчаяния или беспокойства, ни даже толики страха за своего мужа. Но там сидело нечто другое: равнодушие и скука, – а также желание, чтобы всё быстрее закончилось, и она скорее смогла уйти.

Уйти... Куда?... Нить... Связь... Сергей пытался зацепиться за эту мысль, но она уже безвозвратно истрепалась, истлела; ветер времени тут же подхватил её жалкие остатки, вымел за пределы видения и оставил внутри лишь горечь жалкого сожаления. И больше ничего.

Ну, вот и всё.

Сергей ментально вздохнул и почувствовал, как у его физической оболочки с носа побежала горячая кровь. Так всегда. Противное чувство, но потерявшее всю остроту мерзости неисчислимыми видениями – за все долгие годы служ-

бы. (Кто-то заботливо вытер ему кровь.)

В кувшин с видением невидимый осьминог наконец-то впрыснул свои чернила, и комната стала пропадать во мраке. От досады хотелось взорвать всю эту комнату к чертям! У него нет почти ничего! У него нет ни имени, ни адреса – лишь дрянной осколок слова и серые, испачканные в крови лица: старик, его сын (ещё дышащий), – а ещё есть бесформенное пятно в другом конце комнаты, рука с рыжими волосами, рассыпанные яблоки, сигареты, занавески, две бутылки и столько же табуреток. На миг воображение Сергея разыгралось, и он увидел: и себя, и своего начальника, и других членов своей команды с такими же измазанными в крови лицами. Они весело смеялись и тыкали друг на друга пальцами... Боже, что за бред, это уже не видение, а большая фантазия уставшего пятидесятитрёхлетнего псионика, предотвратившего за тридцать лет своей службы сотни убийств! Его мозг устал, и ему уже давно пора на покой. Тяжело нести в себе такой дар – особенно тогда, когда он и спустя тридцать лет норовит боднуть тебя копытом...

Лица друзей исчезли.

Осталась погружающаяся во мрак комната.

«Господи, но почему всегда одно и то же?! Почему нельзя развеять этот мрак и побродить по видению ещё и ещё? Какие-то правила, рамки! Да экстрасенс я или хрен собачий?!»

Каким-то чудом Сергей ухватился за ещё одну связь с недавним голосом; записка быстро сформировалась, но ис-

трепалась ещё быстрее; перед тем, как упрятать её в тайные закрома своего дара, Сергей прочитал четыре новые буквы: «АЛЛА».

Но ведь это же...

Экстрасенс от удовольствия мысленно прищурился.

У них появилось первое имя! Женщина. Ах, если бы это помогло им после сеанса! Если бы помогло... «Бас» и «Алла»... Это уже что-то. Но нужно ещё. Любая мелочь! Любая. – Слово, намёк, ассоциация.

«Боже, прошу: ещё одну подсказку!»

И, словно в ответ на его неумелую мольбу, перед тем, как навалилась полная темнота, у Сергея в голове всплыли три синие латинские буквы: «O», «R», «I». Каждая из этих букв плыла в отдельной лодке по реке из густой человеческой крови. За ними плыли и другие лодки, но буквы, находящиеся там, Сергей рассмотреть не мог. Нужно было переместиться чуть вбок, и тогда, возможно... Но кровь – целая река крови – его будто парализовала! Кровь повсюду! (Боже, как он устал!) Кровь со всех убийств, которые он так и не предотвратил! И этот ни с чем несравнимый вкус – металлический, завораживающий и одновременно отталкивающий – он почувствовал также и у себя во рту: настоящим, а не виртуальном.

Ему вдруг стало страшно, но от усталости страх уже не казался таким сильным; Сергей шумно вдохнул, затем тяжело выдохнул и выдул при этом кровавый пузырь; пузырь тут же

лопнул и забрызгал воротник светлой рубашки; перед тем, как отрубиться, уставший человек – не телепат, а обыкновенный человек – с сожалением и с почти детским испугом (будто сейчас его заругает мамка) подумал: «Вот досада: ещё и щёку прокусил!»

3

Прошло три часа. Весь этот ужас оставался уже в прошлом.

Сергей прикрыл глаза и пощупал языком прокусанную щёку. Да уж: прокусил неслабо, теперь будет долго заживать. Рядом сидел его начальник (Тёма, Артём Васильевич – старый друг ещё со времён армейки в Афгане) и весело болтал со старшим следователем (Ивашин дядь Лёша, Алексей Иванович – прекрасный специалист и душа любой компании) о рыбалке. Сергей их не слушал. А в который раз возвращался к тому моменту: когда он вышел из видения; когда при выходе из видения он потерял сознание; и когда он пришёл в себя и увидел, что рядом стоит Тёма и держит в руке ватку с нашатырным спиртом. И что первое выпалил тогда Сергей?

«У меня кое-что есть!»

Он тут же схватил ручку и набросал обрывки слов: «бас» и «огі», а потом швырнул свой главный козырь: «Алла».

– У нас есть одно имя!

Оставив друзей разгадывать эти ребусы, он засел с художником Метелковым, и за двенадцать с половиной минут они вместе составили фоторобот сына старика, который, вероятней всего, ещё будет жив, лёжа на полу рядом с метрономом-отцом.

А когда они с Метелковым вернулись к друзьям, Артём Васильевич – он же Тёма, сразу предоставил ему свои предположения. В общем, всё сводилось к главному ориентиру: ночному клубу «BaSs Original» – это на другом конце города, но ехать туда не более сорока минут. Оставалось ещё найти связь с какой-то Аллой, но «ребята над этим работают».

«BaSs Original»? Что же. Очень даже может быть. Но тогда почему первое слово на английском, если он видел русские буквы? На удивление, Сергей сразу нашёл тому оправдание: а причина всё в том же несовершенстве собственного дара, и ничего более!

И тут Сергей ощутил, – ощутил до трепета и так ясно, ощутил самым простым человеческим предчувствием, лишённом всяческой экстрасенсорики, – что ребус почти решён. Этому предчувствию сопротивляться не казалось возможным. Оно обжигало своей свежесвежностью, но казалось точным, как самый совершенный хронограф. «BaSs Original»! Да! Да! Именно там и нужно искать! Он так и сказал всем ребятам. «Я чувствую, – он сказал, – именно там мы и отыщем что-то важное, очень-очень важное! Вероятнее всего, рядом с этим ночным клубом и находится та квартира, где должно совершиться убийство».

– Ребята, ориентируемся на бежево-красные занавески, – сказал экстрасенс с кровавым пятном на воротнике рубашки. – Но нужно торопиться, пока не стемнело! Времени у нас в обрез.

И с ним все согласились. Собравшись за несколько минут, вся команда во главе с Артёмом Васильевичем отправилась к обозначенному клубу. По дороге консультант-наставник Ольга Коржикова, вызвавшаяся помочь в поиске квартиры, организовала «подкрепляшку» – холодные бутерброды с ветчиной, пирожки с капустой и тёплый чай из термоса пришлось как нельзя кстати. Сергей тоже ел и пил, но вкуса и запаха не чувствовал. От нетерпения его била мелкая дрожь.

Клуб находился в одном из спальных районов на окраине города с множеством хрущёвок. Как отыскать эту квартиру, имея на руках лишь два фоторобота, неизвестную женщину по имени Алла и бежево-красные занавески, никто не понимал. Но все действовали по какому-то наитию, руководствуясь то русским «авось», то отсутствием любых других зацепок, а то и непонятным оптимизмом, которым переполнялся сам экстрасенс и заражал им всех остальных.

И вот они приехали к этому клубу.

Остановившись возле ларька с мороженым, они открыли карту и стали делить территорию.

Сергей вышел из служебного микроавтобуса.

Вооружившись биноклем, он начал просматривать ближайшую пятиэтажку, не пропуская ни одного окна. На многих окнах стояли жалюзи, кое-где в стёклах отражалось закатное солнце, и приходилось всматриваться.

Вышел из машины и Артём Васильевич, а следом за ним – и остальные одиннадцать человек его команды. «Счастливая

дюжина» – так они себя называли.

– У нас с тобой сектор «Б», потом «В», – Артём Васильевич показал Сергею на карте условные сектора. – Всё, как договаривались: ищем занавески, показываем фотороботы.

Он отогнул зажим, чтобы отдать несколько копий другу, как вдруг резкий порыв ветра выхватил всю пачку и разбросал её по сторонам. Все кинулись собирать листки.

Один из рисунков подняла продавщица мороженого – родственная деваха с большими глазищами и огромными буферами, как сказал о ней потом Ивашин.

– А что: похож! – сказала весело она, рассматривая лицо на бумаге.

К ней тут же подскочила вся счастливая дюжина. Каждый из них спрашивал что-то своё, но суть вопросов сводилась к одному: «Вы его знаете? Это кто?».

«Шутить изволите, господа? – сказала она, продолжая смеяться. – Так это же сам Бромберг!» – «Что такое?! Какой такой Бромберг?! Кто таков?» – спросил её Артём Васильевич. «Да что вы, в самом деле! – удивилась деваха. (Кстати, её зовут Лиза – это, если нужно для протокола.) – Вы что, и правда Бромберга не знаете?! Это наша местная достопримечательность, если хотите!»

И тут эта Лиза, уже не просто смеясь, а заливаясь неконтролируемым смехом (Сергею даже показалось, что она была изрядно подшофе), махнула в сторону драматического театра.

Никто сначала ничего не понял, все подумали, что над ними просто потешается одна заскучавшая девица. Валерка Сеницын, кинолог и самый молодой сотрудник, тот даже сказал ей: «Вы, дорогая, шутить изволите?!» И придвинулся к ней с Мухтаром. Но затем, когда эта Лиза замолчала и, пожав плечами, обиженно надула губки, Сергей первым и увидел этого Бромберга.

«Боже! – подумал тогда он. – Какой стыд-то!» – На больший поток мыслей, не говоря уже о словах, он просто не оказался тогда способен.

На центральной афише драматического театра и находился их старик. Сергей вздрогнул, как сам Бромберг в его же видении. Актёр! Старик этот – самый обыкновенный актёр! И то, что Сергей видел в своём видении, все эти убийства, эмоции и огромное напряжение – не более, чем поставленный на большой сцене спектакль!

– Господи, – сказал наконец-то Сергей. – Что же я наделал?! Заварил такую кашу...

Его кто-то взял за руку. Конечно же, это был Артём Васильевич, но Сергею было всё равно. Он клял свой дар всем, чем только было можно. «Боже, как же я устал! Не дар, а сплошное наказание!» Он проклинал свой самый первый день: когда первое видение настигло его прямо в туалете; когда он закричал, подумав, что сошёл с ума; и когда похожие на галлюцинации образы так же неожиданно исчезли. Но вскоре Сергею надоели: и эти проклятья, и эти воспоми-

нения. Захотелось другого – захотелось остро и до головокружения.

Поспешно опустившись на лавочку, он осмотрел всех коллег, молча на него взиравших, и сделал несколько глубоких вдохов, – постепенно мир переставал вращаться, равновесие возвращалось, обострялось обоняние. Запахло опавшей листвой, еле слышными духами Коржиковой, мускусным потом Тёмы, крепкими сигаретами водителя Егорова, от стоящего в двадцати метрах бубнящего кроссовера прилетело дыхание дизеля, с подземного перехода донёсся запах хот-догов и жареного попкорна. От нахлынувших запахов захотелось веселиться. Сергей осмотрелся. Он ещё раз взглянул на злополучную афишу, – где небольшим шрифтом фигурировала какая-то Алла Салецкая, как один из исполнителей второстепенных ролей, и где изображались те самые бежево-красные занавески, – и вдруг громко рассмеялся.

Все в недоумении посмотрели друг на друга и пожалы плечами.

Но прошло несколько секунд, как к этому полуистерическому приступу гогота стали подключаться и остальные. Не осталась в стороне и та самая Лиза, тыкнувшая их носом в афишу. Наверняка, мог смеяться и сам Мухтар, – и хотя никто ни за кем в тот момент не следил, исключать этот вариант тоже не стоило. Все просто держались за животы, показывали друг на друга пальцами и продолжали хохотать. Такого снятия напряжения, сковывавшего каждого из них по-

следние несколько дней, никто никогда не испытывал. А потому все пользовались такой возможностью сполна.

И тут, сумев преодолеть почти идиотские позывы смеяться ещё и ещё, Ивашин Сергей Иванович вдруг сказал:

– Послушайте! Послушайте, друзья! А что, если мы все с вами сегодня возьмём и пойдём на этот спектакль? По-моему, это самый лучший исход для такой катавасии. А?

И, конечно же, его все поддержали...

И вот теперь они сидят в театре и ждут окончания антракта. Пришла даже Лиза! Ей купил билет сам лично Ивашин – ещё тот ловелас! Пришли все – пришла вся команда, крутившаяся вокруг телепата последние дни.

Сергей вспоминал первый акт.

Как оказалось, в этом спектакле сын старика – пьяница и гомосексуалист, нашедший утешение от стервы-жены в объятиях школьного товарища.

Из пьяного монолога открывалась следующая предыстория: старик был художником-неудачником, косившим под Пикассо; он любил брать взаймы у всех подряд, в том числе и у сына, а отдавать у него получалось очень редко; картины старика никто не понимал, а потому и не покупал, но он всё

рисовал и рисовал; как-то раз он надел одну из своих картин на голову очередному кредитору, избил его и спустил с лестницы, а это увидела невестка; с тех пор она прозвала своего тестя безумцем и постаралась отгородить его не только от своих детей, но и от его родного сына.

Сам спектакль начинался с более поздних событий. Вот уже несколько дней, как сын старика в пьяном угаре сбегает из семьи. Примерно в это же время он встречается бывшего однокурсника и сексуального партнёра и теперь живёт у него – между ними возгорается былая страсть, которую они подкрепляют выпивкой. Однажды на улице сына замечает «сумасшедший папа» – он же «местная достопримечательность», он же Бромберг. Тайком проследив за сыном, которого не видел несколько лет, «сумасшедший папа» застаёт «проклятых голубков» в эпицентре их разврата.

Что было дальше, Сергей не мог вспомнить. Какая-то ссора, прогулка, кража кухонного ножа. Всё висело в тумане, но который совсем не хотелось развеивать.

Своими мыслями на этом моменте он ушёл в сторону – в ту самую сторону, которая продолжала мучить и обещала это делать в дальнейшем раз за разом. Его мучил собственный дар – этот неприрученный до конца дикий жеребец: однажды он позволил на себя сесть, но по-прежнему иногда выбрасывал коленца.

Сергей же продолжал себя терзать.

Ему казалось, что он не заслужил подобных выкрутасов –

и это после всего, что он успел сделать за тридцать лет службы! Да это... это настоящее предательство, чёрт возьми! А с предательством, тут уж извините, не только телепат, но и любой человек мириться вряд ли захочет! И хотя он иногда подставлял вместо «предательства» слово «шутка», всё равно такого не должно было случиться. Это его гложило, хотя он и старался не подавать вида, а также мешало обрести ему спокойствие, как обрели спокойствие его радостные сейчас друзья.

Неожиданно его всего передёрнуло! Он вспомнил о потайных карманах. Глубоко внутри своего дара Сергей спрятал несколько часов назад две записки, и он знал сейчас, что они до сих пор ещё там. Но узнает ли он что-нибудь новое, если попытается достать их? Такие ментальные манипуляции способны отобрать у него оставшиеся силы. А стоит ли игра свеч, если всё уже закончилось?!

Начался второй акт.

Старик на сцене причитал, не забывая пинать убитого им любовника своего сына. Затем он успокоился и, сев на пол возле мёртвого чада, стал раскачиваться.

Бежево-красные занавески на декоративном окне взлете-

ли вверх и плавно опустились; одна из них зацепилась за колесную табуретку. Послышались отголоски детского смеха. Всё выглядело так же, как в видении. Зажужжали даже мухи. Сергей усмехнулся: в своём видении он видел мух живыми, но, как оказалось, его дар просто подстраивал картинку под аудиозапись. И эта кровь на полу! Есть ли она здесь на самом деле?! Он чуть приподнялся, вытянул шею и действительно увидел возле лежащего актёра вытекшую лужицу крови. «Во время антракта налили», – догадался Сергей.

Бромберг застонал. Его эмоции проникали в зал и обволакивали зрителей.

«Хорош! Хорош, сукин сын! – телепат мысленно зацокал языком. – Играет, как Бог – не отнять! Но до чего же это всё-таки мерзко: смерть в жизни, смерть на сцене! Все эти житейские страсти всегда оканчиваются одним и тем же: смерть приходит к каждому – в том или ином виде. Не забывайте этого, люди!»

Он хрустнул пальцами, что всегда делал, когда сам себе не нравился. Ему вдруг показалось, что он и сам стал похож на этого причитающего Бромберга. «Безумный старикашка», – как крикнула сейчас со сцены Алла Салецкая. «Безумный телепат», – как подумал сейчас о себе он сам.

А в это время сюжет на сцене подходил к тому моменту, на котором четыре раза обрывалось видение. Сергей отбросил причитания. Он уже держал в голове две записки, которые вот-вот могут обрести утерянными частями. Это ниче-

го уже не даст, но почему-то сейчас захотелось потешить самодовольство, захотелось опровергнуть что-то непонятное и что-то такое же непонятное себе доказать. Главное, не пропустить этот момент.

Вот! Первый удар топором в дверь.

Сергей внутренне собрался и чуть приподнялся в кресле. Точно так же приподнялся в кресле и сидящий в соседнем ряду человек. И хотя он не заслонял Сергею обзор, так как находился метрах в десяти справа, он приковывал внимание. «Кто ты? – подумал Сергей. – Тоже ждёшь, чем это всё закончится? Может быть, ты такой же, как я?!» И сам себе в ответ он вяло ухмыльнулся. «Ага, как же! Таких больше нет». – Он понял это очень чётко, словно истина о том открылась рядом с ним неким высшим и неосязаемым. И в этом внезапном откровении сквозило такое ужасное одиночество, что Сергею стало себя даже жалко.

В это время впереди сидящий человек заёрзал ещё сильнее. Одновременно с ним первая записка стала обрастать потерянными ранее обрывками. «ББАС». Сергей почти не дышал. Ему уже не нужно было читать ту первую записку до конца, потому что он узнал этого человека. Да, это случилось в тот момент, когда этот человек стал оборачиваться назад. Но он узнал этого человека раньше всех.

Сергей прошептал:

– Аббас. Аббас Хабиби.

Мысли и воспоминания стали ясными, как никогда в жиз-

ни. Два брата Аббаса погибли три года назад, когда их по ошибке приняли за террористов и убили выстрелами в голову. Это вызвало тогда серьёзный резонанс в масс-медиа. Но дело, насколько знал Сергей, удалось замять. Аббасу на тот момент исполнилось всего пятнадцать лет. И вот теперь он здесь. Рядом с ними. Рядом с такими же, как те, кто убил по ошибке его кровных братьев.

Аббас обернулся назад полностью, посмотрел в глаза Сергею и прокричал:

– Ал-л-л-ла... – Вторая записка яростно затрепетала, но прока от того не было уже никакого. Сергей выпрыгнул из своего дара и бросился вперёд. – ...а-ах Акбар!

Мир перевернулся и разлетелся на части. Сергея отшвырнуло назад, разложило на атомы, а затем кое-как собрало обратно. Он не слышал никаких криков, да и ничего другого также не слышал. Любые звуки и запахи поглотил сплошной вакуум – к счастью, он заглушал и боль, но к несчастью, он не скрывал от Сергея оторванные части тел, – разбросанные повсюду, словно детальки от человеческого конструктора. Прошла рябь, и страшный конструктор исчез. Исчезла и счастливая дюжина. Перед взором искалеченного взрывом телепата теперь протекала тёмно-бордовая река – по ней проплывали сгустки крови в виде утлых лодчонок, а в этих лодчонках стояли огромные синие буквы: «O», «R» и «I». – «Боже, как же всё знакомо!» – Сергей знал, что если переместиться чуть вбок, то обязательно покажутся и другие сгуст-

ки, а в них он увидит и другие буквы. Только в том уже не было никакого прока.

Дотянувшись носом до оторванной руки, он перевернул её и ухмыльнулся. Какая ирония! Лодки, плывущие по реке крови, наконец-то выстроились в ряд.

«Memento mori».

Армейская татушка на предплечье. Они сделали с Тёмой одинаковые наколки ещё в Афгане – тридцать пять лет назад, – чтобы никогда не забывать о смерти, и чтобы она не забывала их.

Ну, вот и всё.

Чёрный занавес стал быстро опускаться.

Сергея накрывала тьма, а он всё не понимал, чья же оторванная рука лежала перед ним в эту последнюю минуту?

Да и разве этот вопрос сравнится по силе с другим, – связанным с простым предположением: а что, если в конце четвёртой заморозки он впервые попал внутрь пятого видения, и они все – вся их счастливая дюжина – до сих пор ещё сидят в отделении и ждут его возвращения?

Хорошее предположение, не так ли? Просто так хочется в это верить...